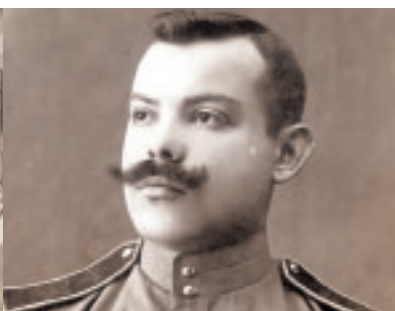

WWW.CENTROPA.ORG
JEWISH WITNESS TO A EUROPEAN CENTURY

PHOTOGRAPHS AND LIFE HISTORIES FROM
CENTRAL AND EASTERN EUROPE
THE CENTRAL EUROPE CENTER FOR RESEARCH AND DOCUMENTATION

FAMILY NAME: RACHEL RANDVEE
CITY: TALLINN
COUNTRY: ESTONIA
INTERVIEWER: EMMA GOFMAN

Рахель Рандвее (Цивиан)

Мой отец, Харш-Лейб Цивиан, родился в г.Крейцбурге, в Латвии. Это был городок на берегу реки Даугавы; в то время там жило много евреев. Отец моего отца, Яков Цивиан, ездил по латвийским деревням, покупал скот и продавал его мясникам. Он умер рано, поэтому ни моя старшая сестра Рива, ни я не знали его. Мать моего отца, бабушка Хая-Соре, осталась после смерти мужа одна с кучей детей. Чтобы содержать семью, она стала печь. Она пекла и продавала халу для Субботы, штрудель и другие вкусные пироги для еврейских праздников, и она также принимала заказы на свадебные торты. Этот бизнес не был очень доходным. Ее семья была очень бедной, и дети часто болели.

У моей бабушки было 12 детей, но некоторые из них умерли в младенчестве, а некоторые – позже. В 1930-х годах осталось в живых только четверо из ее детей – мой отец и три его сестры: София, Дина и Асне. В то время бабушка Хая-Соре жила в Риге (Латвия) с семьей ее младшей дочери, Асне Файн (урожд. Цивиан). Мы с сестрой несколько раз ездили к ним на летние каникулы. Тетя Асне снимала для нас комнату в еврейской летней гостинице на Рижском взморье, чтобы мы питались только кошерными продуктами. На субботу мы всегда ездили в Ригу к бабушке и по утрам ходили в синагогу. Наша бабушка была очень стара, ей очень трудно было ходить. Она говорила нам, что посещение синагоги дает ей силы.

Бабушка Хая-Соре, ее семья, ее дети и их семьи были очень религиозными. Они строго соблюдали кашрут, отмечали Субботу и все еврейские праздники согласно еврейским традициям. В нашей гостиной был портрет бабушки Хаи-Соре в молодости – она была в парике. В старости же она парик не носила, но я никогда не видела ее с непокрытой головой. Даже дома на голове у нее всегда была маленькая кружевная пелеринка. В доме бабушки все разговаривали только на идиш. Я не слышала, чтобы она говорила по-русски или по-латышски, однако, я думаю, что она знала эти языки. Бабушка Хая-Соре была привлекательной даже в старости, а в молодости она была неопишимо красива. Она рассказывала нам, как долго она выбирала мужа, и как ее отец был этим недоволен. Каждая из бабушкиных сестер к 14-15-ти годам имела свою семью, она же не выходила замуж до 18 лет.

Моя тетя Асне Файн тоже была очень красивой. У нее были большие синие глаза и пышные светло-золотистые волосы. Ее муж, Герман Файн, был совладельцем компании по торговле лесоматериалами, так что их семья была довольно

зажиточной. Их единственный сын, Яков Файн, в конце 1930-х годов учился пению в Рижской консерватории. У него был замечательный тенор, и ему предсказывали карьеру оперного певца. В 1940 г. в Латвии был установлен советский режим, и собственность семьи Файнов была национализирована. Якова забрали с последнего курса консерватории и послали служить в группу военной подготовки. Несмотря на то, что группа находилась в Риге, и Яков жил дома, он был возмущен тем, что вместо оперных арий на итальянском он вынужден был петь солдатские и матросские песни на русском.

Летом 1941 г., когда немецкая армия молниеносно оккупировала Латвию, вся семья Файнов и бабушка Хая-Соре оставались в Риге, и они погибли в Холокосте. Всю семью второй сестры моего отца, Дины, постигла такая же участь. У нее было трое детей – дочери Рахель и Голда и сын Макс. Обе дочери были замужем, у Рахели была маленькая дочка, Авива, а Голда должна была родить в 1941 г. Семьи отцовских двоюродных братьев и сестер тоже были уничтожены. Всего 47 родственников моего отца погибли в Холокосте в Латвии. К сожалению, точные обстоятельства их гибели нам не известны.

Войну пережила только самая старшая из сестер отца, София Израэльсон (урожд. Цивиан). До революции 1917 г. (1) они с мужем переехали из Латвии в С.-Петербург и жили там – в Ленинграде – до 1941 г. У них был один сын, Яков, он окончил технический институт в Ленинграде и работал инженером. В 1941 г. его призвали в армию, и он погиб в бою в первые месяцы войны. София с мужем остались в блокадном Ленинграде (2). Муж Софии умер от голода в первую блокадную зиму 1941/1942 гг., а Софию, еле живую, вывезли из Ленинграда по Ладожскому озеру (см. Дорога Жизни) (3). Она выжила и вернулась после войны в Ленинград. У нее не было ни родных, ни друзей в Ленинграде. Летом 1949 г. я навестила тетю Софию и увидела, как плохо и одиноко ей живется. Я посоветовала ей переехать к нам в Таллинн, ведь кроме моего папы, моей сестры и меня у нее никого не было. Она согласилась и провела последние годы своей жизни рядом с нами в Таллинне. София умерла в 1962 г.

Мой папа родился 1895 г. Он закончил хедер в Крейцбурге. Его родным языком был идиш. Он хорошо знал и другие языки – русский, латышский, немецкий и эстонский. Чтобы помочь своей матери, он начал работать очень рано. Сначала он был помощником продавца в магазине в Крейцбурге, потом он несколько лет работал продавцом в магазине тканей в Риге. В конце 1916 г. мой папа поехал в С.-Петербург (Петроград с 1917 по 1924 гг.), где жила его старшая сестра София с семьей. Он собирался искать там работу. Петроград был накануне революции – там имели место массовые митинги, забастовки, грабежи. Моему папе все это не нравилось – он любил порядок во всем – и через несколько месяцев он решил вернуться в Латвию. По дороге в Ригу он остановился в небольшом эстонском городе Тарту. Город ему понравился – спокойное, чистое место с еврейской общиной и, что было важно для моего папы, там была синагога. В субботу в синагоге его внимание привлекла красивая молодая женщина. Скоро их представили друг другу. Так мой папа встретил свою будущую жену, мою маму, Хессе Хейман.

Я не знаю, были ли родители моей мамы родом из Эстонии, или они сюда переехали. К концу 19 века они уже жили в Тарту. Моего дедушку звали Тевье

Хейман, а бабушку – Рохель-Лея Хейман (урожд. Клас). Я их не знала – они умерли до моего рождения. Дедушка Тевье, как и дедушка Яков, торговал скотом. Разница только в том, что он ездил по эстонским, а не по латвийским деревням. Во время одной из таких поездок на него напали грабители и убили его. Это случилось в середине 1900 г. К тому времени все дети моих бабушки и дедушки, кроме моей мамы, были уже взрослыми. У бабушки Рохели-Леи после этой трагедии началась гангрена. У нее отняли одну ногу. Врачи сказали, что это было результатом нервного потрясения. Мама рассказывала мне, что последние годы своей жизни бабушка ходила на костылях.

У бабушки было 12 детей, восемь из них выжили. В семье говорили на идиш, но все дети владели русским, эстонским и немецким языками.

Семья строго соблюдала религиозные еврейские традиции. Это перешло в нашу семью и в семьи маминных братьев и сестер. Бабушка Рохель-Лея была очень работающей. У нее были золотые руки. Какую бы домашнюю работу она ни делала – она делала ее превосходно. Эта ее черта передалась всем ее детям и многим внукам. Каждая из бабушкиных дочерей хорошо умела шить и вышивать. Они вкусно готовили и создавали уют в доме.

В маминой семье было принято говорить «хейманские руки». Когда кому-нибудь из дочерей или внучек удавалось сшить красивое платье, модную шляпку или просто починить что-то, говорили: «Нечего удивляться! У нее хейманские руки!» Это был высший комплимент. Члены маминой семьи были очень близки между собой. Ее сестры и братья

поддерживали друг друга всю жизнь. Бабушка Рохель-Лея умерла в Тарту в середине 1920-х годов.

На этой фотографии моя бабушка Хая Соре Цивиан с правнуком Яковом Израельсон. Она была сделана летом 1916 года, когда Яков был у бабушки в Риге. Бабушка была очень красивая даже в пожилом возрасте, не говоря уж о молодых годах. Она нам рассказала, что очень долго выбирала жениха, и это очень раздражало ее отца. Все ее сестры вышли замуж уже в 14-15 лет, а она – лишь в 18.

Старшая сестра моей мамы, Берта Фейман (урожд. Хейман), родилась в 1870-х гг. Она умерла рано, я ее не знала. Ее муж, Хаим-Шимон Фейман, владел кожевенным заводом в Тарту. Их единственный сын, Тевье Фейман, родился в 1905 г., в середине 1920-х гг. окончил университет в Вене и стал врачом. До и после Второй мировой войны он практиковал в г. Раквере, в Эстонии. Во время войны Тевье с семьей был эвакуирован в Россию и был врачом в военном госпитале. До замужества его жена, Гита, трудилась в большом ювелирном магазине в Таллинне. Выйдя замуж, она получила профессию помощника врача и работала вместе с мужем. Их дочь, Авива, вышла замуж за морского офицера и уехала с ним в Ленинград. Тевье Фейман умер в середине 1980-х гг. в Таллинне. После его смерти Гита живет в С.-Петербурге с семьей ее дочери.

Вторая сестра моей мамы, Рассе Фурманская (урожд. Хейман), родилась в 1870-х гг. Она вышла замуж за Мейше Фурманского, очень богатого тартуского еврея. У них был большой дом и магазин одежда в Тарту. Два сына Рассе получили образование за границей. Ее старший сын, Тевье, учился в Пражском университете. Вернулся он с дипломом инженера-химика и женой-еврейкой. В конце 1930-х гг. Тевье Фурманский жил с семьей в Тарту и руководил собственным лесопильным заводом. Второй сын Рассе, Исаак Фурманский, жил с семьей в Таллинне и тоже имел свой бизнес. Дочь Рассе, София Фурманская, закончила юридический факультет Тартуского университета. Она жила в Таллинне и работала по специальности.

В 1940 г. Мейше Фурманский умер, и через год советские власти национализировали всю собственность семьи Фурманских. Софии запретили работать. В 1941 г. вся семья, за исключением Софии, была депортирована (см. Советская депортация эстонского гражданского населения) (4). Исаак оказался в лагере на Северном Урале, а все остальные – в ссылке. В лагере, где Исаак валил деревья, заключенным выдавали после работы дневной паек похожего на глину хлеба. Этот хлеб надо было есть медленно, маленькими кусочками, иначе желудок мог не выдержать. Исаак однажды забыл об этом и съел свою пайку сразу. Через несколько часов у него начались боли в желудке, и он умер на руках моего папы, который был в том же лагере.

Тевье Фурманский и его семья были в эвакуации в Томской области (около 3 тыс. км. восточнее Москвы). Они остались жить там. Остальные члены семьи Фурманских вернулись в Эстонию. В настоящее время дети Исаака, Иосиф и Мия, живут в Израиле, а дочь Софии, Бина – в Таллинне.

Третья сестра моей мамы, Хая-Фанни Смоленская (урожд. Хейман), родилась в 1880-х гг. До войны она, ее муж, Симон Смоленский, и пять их сыновей жили в Тарту, где у них была швейная мастерская. Тетя Фанни очень хорошо шила. После войны она жила в Таллинне со своим младшим сыном Борисом, и работала закройщицей на фабрике одежды. Во время войны трое сыновей Смоленских погибли. Двое из них, Мейше и Амми, служили в батальоне ополчения (5) и погибли летом 1941 г. Рувен Смоленский был лейтенантом в Эстонском стрелковом корпусе (6) и погиб в бою на эстонском острове Сааремаа в 1944 г. Он был похоронен там в общей могиле. Сразу после войны, как только тетя Фанни вернулась из эвакуации со своим младшим сыном Борисом – ее муж Симон умер в

эвакуации – она начала попытки получить разрешение перевезти останки Рувена в Таллинн, чтобы похоронить его на еврейском кладбище по еврейскому обычаю. Она обратилась к высшим военным властям и получила разрешение. Среди сотен трупов тетя Фанни смогла узнать своего сына по особой примете – сломанному в детстве зубу.

Другой сын тети Фанни, Тевье Смоленский, бросил учебу в Тартуском университете и уехал в Палестину в конце 1930-х гг. Он стал морским капитаном. Его жена, Мириам, была немецкой еврейкой. Ее родители жили в кибуце в Палестине. У Тевье и Мириам было трое детей и несколько внуков. После войны Тевье много раз приезжал в Таллинн. В конце 1950-х гг. он привез свою маму на борту своего парохода, чтобы совершить круиз вокруг Европы. В 1963 г. Тевье отпраздновал свое 50-летие в Таллинне. Это была незабываемая встреча, присутствовали все родственники, живущие в Эстонии. Последний раз Тевье был в Таллинне в 1991 г. Четыре года спустя он умер в Тель-Авиве. Младший из сыновей Фанни, Борис, живет сейчас в США и работает инженером. Тетя Фанни умерла в Таллинне в конце 1960-х гг.

Четвертой сестрой, с которой моя мама была очень близка, была Бася Майофис (урожд. Хейман), которая родилась в 1880-х гг. Она, ее муж Лейб Майофис и их дети жили в Таллинне. У Баси была маленькая шляпная мастерская. В ее семье было трое детей – два сына, Мордух и Тевье, и дочь – Сима. В 1930-е годы Тевье Майофис был одним из лидеров Бетара (7), молодежного сионистского движения в Эстонии. В 1940 г. советские власти приговорили его к 10-ти годам лагерей (см. Гулаг) (8) за пропаганду сионизма. Из всех активистов Бетара, осужденных в то время, он единственный остался в живых. После 10-летнего пребывания в лагерях Тевье провел еще несколько лет в ссылке в Сибири. Его подруга переехала из Таллинна к нему, они поженились, и у них была дочь, Роза.

В конце 1950-х гг. семье Тевье разрешили вернуться в Эстонию. У Тевье были золотые «хейманские руки». Из старых запасных частей он сам собрал маленький автомобиль, сделал на нем краской надпись «Таллинн». Удивленные пешеходы видели его в разных частях города. В 1970-х гг., как только появилась возможность, Тевье Майофис с семьей переехали жить в Израиль. Он – почетный гражданин этой страны. Его имя занесено в золотую книгу за его участие в образовании государства Израиль. Его внуки теперь взрослые. Вся семья Тевье живет в Хайфе.

Летом 1941 г., когда фашисты подходили к Таллинну, Бася и Лейб Майофисы, и их старший сын Мордух решили остаться, хотя у них еще был шанс бежать на восток. Может быть, они думали, что никого хуже коммунистов, арестовавших их сына. Фашисты убили их осенью 1941 г. Лейба и Мордуха Майофисов казнили в таллиннской тюрьме. Сегодня на одной из ее стен есть мемориальная доска в память погибших в ней евреев. Я ничего не знаю о том, как погибла тетя Бася. Их дочь Сима и ее муж эвакуировались в Россию, и там их семья распалась. В настоящее время Сима со своим вторым мужем живут в Израиле с детьми и внуками. В Эстонию после войны они не вернулись.

У моей мамы было также три брата. Один из них, Хирш Хейман, родившийся в 1890-х гг., погиб во время Эстонской войны за освобождение (9) в 1919 г. Второго

брата звали Самуил Хейман. Он родился в 1880-х гг. В молодости он был хорошим механиком. Позже он открыл в Таллинне магазин кошерных продуктов. Во время войны они с женой, Гитой, были эвакуированы в Россию. Там дядя Самуил снова работал механиком, чтобы прокормить семью. После войны они вернулись в Таллинн, где дядя Самуил заведовал маленьким продовольственным магазином. Самуил и Гита Хейманы умерли в Таллинне в 1950-х гг. Их дочь, Рассе Патурская (урожд. Хейман) с мужем Абрамом и сыном Яковом уехали жить в Израиль.

Рассе и Абрам жили и умерли в Натании. Их сын Яков – врач. Он получил образование в Эстонии, в Тартуском университете. Он иногда приезжает в Таллинн, где живут много его друзей. Вторая дочь дяди Самуила, Лея Болонина и ее муж, Израиль Болонин, жили и умерли в Таллинне после войны. Их дочь Рина сейчас живет здесь.

Любимый брат моей мамы, Лейб-Зелик Хейман, родился в 1880-х гг. Он и его семья жили в Тарту. У Лейба-Зелика была какая-то хроническая болезнь – он не мог работать подолгу – поэтому его семья жила в бедности. Моя мама много помогала им. Старшая дочь Лейба-Зелика, Сара, активно работала в движении Бетар. В середине 1930-х гг. она вместе с группой молодых евреев поехала в Палестину создавать государство Израиль. Все родственники Сары помогали ей собираться в дорогу. София Фурманская старалась купить ей одежду и все необходимое. На вокзале, буквально перед отходом поезда, мой папа, который не любил выслушивать слова благодарности, сунул Саре в карман большую пачку английских фунтов стерлингов.

В июне 1941 г. два сына Лейба-Зелика, Бенцион и Хоне, добровольно вступили в милицию и вместе с войсками Красной Армии сдерживали в течение почти месяца немецкие силы на подступах к Тарту. Оба они погибли в бою летом 1941 г. Их имена есть на монументе, возведенном в память евреев, погибших в Тарту в борьбе против фашистов. Из-за своей болезни Лейб-Зелик не мог эвакуироваться вместе с женой и дочерью. Он остался в Тарту и погиб осенью 1941 г. Как и все другие тартуские евреи, он был застрелен в танковом рве на окраине города. Позже его жена, Гита Хейман, и его дочь, Лея Эйдус, уехали жить в Израиль. Гита уже умерла, а Лея до сих пор живет в Тель-Авиве.

Моя мама, Хессе Хейман, родилась в Тарту в 1895 г. Она была самой младшей дочерью и любимицей семьи. Когда не стало дедушки Тевье, старшие братья и сестры помогали бабушке растить мою 12-ти летнюю маму. Несколько лет мама училась в какой-то школе в Тарту, я думаю, это был хедер. Когда ей было 15 лет, она поехала в Варшаву учиться швейному делу. (Прим. ред.: до Первой мировой войны Варшава и большая часть Польши так же, как и Эстония, были частью Российской империи). Мама училась там два года в школе, которая готовила портных высшей квалификации. У нее был сертификат, подтверждающий окончание этой школы; позже он висел на стене в маминой мастерской.

В 1912 г. мама вернулась в Тарту и несколько лет работала в частной швейной мастерской. В марте 1917 г. во время субботнего посещения синагоги она увидела незнакомого молодого человека, который с любопытством смотрел на нее. Мама была очень привлекательной и, вдобавок, была одета модно и со вкусом. Они стали встречаться. Свадьба моих родителей состоялась 1 мая 1917 г. в той же синагоге,

где они в первый раз увидели друг друга. Через год у них родилась дочь – моя старшая сестра Рива.

Мои родители были молоды и полны энергии, и они очень хотели начать свой бизнес. Условия для этого в маленьком провинциальном университетском городе Тарту были не очень благоприятными. После того, как в 1918 г. была образована (первая) Эстонская республика, быстро стал развиваться Таллинн – там были фабрики, порт, государственные учреждения. Мои родители решили, что их будущие клиенты живут в столице, и они переехали в Таллинн в 1919 г. Они сняли маленькую квартиру и открыли корсетную мастерскую. Сначала моя мама

работала в ней одна, но потом, когда заказов стало много, она наняла несколько рабочих.

Мама хорошо знала свое дело, она всегда следовала европейской моде. Более того, она была очень обаятельной и дружелюбной дамой. Она хорошо знала идиш, эстонский и русский языки, могла немного говорить также и по-немецки. Ее бизнес процветал. После моего рождения в 1929 г. родители сняли большую квартиру в центре города. Я помню, что в самой большой комнате стояли шесть швейных машин, манекены, одетые в сшитые изделия, и вокруг лежало много журналов мод. В дни торжеств все это отодвигалось к стенам, и комната превращалась в гостиную.

В 1935 г. мои родители сняли еще большее помещение и открыли корсетный магазин. Он назывался «Мадам Цивиан». Кроме моей мамы, в нем работали еще 8 человек. Они шили корсеты, бюстгальтеры, бандажи для беременных женщин и послеродовые бандажи. В то время это был самый модный корсетный магазин в Таллинне. Среди многочисленных клиентов магазина были жены высших эстонских официальных лиц, включая жену президента. В 1930-х гг. наша семья была довольно богата, и основы нашего процветания были созданы мамиными руками. Конечно, мой папа тоже работал. Он помогал маме открывать мастерские, покупал оборудование и ткани, занимался финансами и потом, в середине 1930-х гг. он открыл свой мебельный магазин. Мебель в нем и изготавливали, и продавали.

*Моя старшая сестра Рива Козловская
(Цивиан) и я в Таллинне в 1934 году.*

После того, как корсетный магазин переехал в новое помещение, наша квартира стала удобнее. Это была хорошо оборудованная квартира с пятью спальнями. В ней было электричество, вода и центральное отопление. Я очень хорошо помню, как она была обставлена. Мебель была красного дерева, а на стенах – синие шелковые

гобелены. Мой папа говорил, что наша гостиная обставлена в «стиле Наполеона». Мама любила фарфор и хрусталь, и у нас в маленькой стеклянной «горке» были изящные стеклянные фигурки и фарфоровые статуэтки. Отдельно стояли бюсты знаменитых музыкантов – я всех их знала на память. В столовой была черная дубовая мебель: большой круглый стол, два буфета и кожаные стулья; в спальне родителей – антикварная: широкая кровать, гардероб и туалетный столик. В моей детской было две кровати – одна моя, а вторая – моей гувернантки, парта и угол, заполненный куклами. Комната моей сестры была обставлена стильной современной мебелью из магазина нашего папы. Там стояло также дорогое немецкое пианино.

Наша семья была очень религиозной. Всю свою жизнь, даже в самые трудные времена, мой папа был настоящим верующим. Свое утро он начинал с омовения рук и надевания тефилина. В течение дня он молился несколько раз, часто ходил в синагогу на вечернюю молитву, постился в Йом Кипур, и посещал синагогу каждую субботу и во время праздников. В доме у нас строго соблюдался кашрут. Мы покупали кошерные продукты только в специальных магазинах. В Таллинне было 3 таких магазина. В нашей кухне было два посудных шкафа: в одном держали кухонную утварь, посуду и ножи для мяса, а в другом – то же самое для молочных продуктов. Плита была одна.

С помощью эстонской служанки моя мама готовила сама. Мама знала много еврейских блюд и готовила вкусно. Несомненно, мы в нашем доме всегда соблюдали Субботу. В пятницу вечером вся семья собиралась за столом, мама зажигала субботние свечи, и папа читал Кидуш. Наши магазины по субботам были закрыты.

К празднованию Пейсаха всегда готовились очень тщательно. Мы с сестрой, мама и служанка скребли и мыли. Посуда для Пейсаха хранилась целый год в запертом ящике. Стеклянную посуду, которой пользовались в течение года, замачивали на две недели в больших деревянных бочках, чтобы сделать ее кошерной. Мамина сестра, Бася со своей семьей, всегда приходили на сейдер. И мы всегда приглашали в гости кого-нибудь из одиноких людей. Много лет подряд, пока он был не женат, с нами праздновал сейдер учитель иврита Гронимов.

На Рош Ашана мама пекла круглую булку с косой, а на Йом Кипур – булку в виде лестницы. Утром в день Йом Кипура папа размахивал живой белой курицей над моей головой. Предполагалось, что это отгонит от меня все неприятности. Я очень боялась этой курицы, поэтому папа изменил ритуал – вместо курицы он использовал носовой платок с завязанными в нем монетами. Мы пекли хоменташ и дарили подарки на Пурим родным и друзьям. На Суккот во дворе синагоги возводили шалаш (сукко), и вся наша семья ходила туда. Когда я была маленькой, я любила Симхат Тору. Синагога была красиво украшена, люди танцевали и веселились. Детям дарили подарки – большие мешки, наполненные конфетами и печеньем. Мама ходила с нами в синагогу на каждый еврейский праздник.

В нашей семье всегда отмечали мой день рождения, на который приходили мои родственники и другие дети. Дни рождения взрослых обычно не отмечались. В нашем доме всегда было полно молодых людей и девушек, которые приходили к моей сестре. Рива была очень независимой. Она никогда не ходила в детский сад,

потому что тогда не было еврейских детских садов. Родители тогда не имели возможности нанять няню или гувернантку. Они были заняты работой, и маленькая Рива бродила вокруг дома и заходила к соседям. Позже родители часто вспоминали эпизод, случившийся, когда Риве было 5 лет. Она пошла в соседнюю квартиру, в которой была частная швейная мастерская. Там она нашла красивое, новенькое, расшитое бисером свадебное платье. Она срезала с платья бисер, вернулась домой, отрезала кусок от новой гардины и стала сама шить платье. Она была живой девочкой, иногда даже сорванцом – все ее детские друзья были мальчиками, и она была их лидером. Она собирала всех мальчишек нашей улицы и вела их на другую улицу драться. Позже, когда она выросла, она стала серьезнее и тише. В 1926 г. Рива поступила в Еврейскую гимназию (11). Младшие ученики изучали иврит, но все другие предметы преподавались по-русски. Старших учеников обучали всем предметам на иврите.

Риву начали учить игре на рояле, когда она была маленькой. Она была очень музыкально одаренной, и у нее были лучшие таллиннские учителя музыки. Они считали, что Рива может стать отличной пианисткой. Для этого надо было много заниматься, но она была компанейской, веселой, эмоциональной. Она хотела заниматься спортом и проводить время с друзьями. Однако у нас был строгий папа, и иногда он просто заставлял Риву садиться за инструмент. И когда приходили ее друзья, она играла на рояле, и все пели замечательные песни на идиш и иврите. Я до сих пор помню некоторые из этих красивых песен.

Когда Рива была еще в средней школе, она стала учиться в консерватории. Она окончила среднюю школу в 1936 г. Это был десятый выпуск Таллиннской еврейской школы. Выпускная церемония проходила в гимнастическом зале, который был необычно украшен. Скатерти, оконные занавеси и все остальное было белым и синим, точно как флаг Израиля. Многие одноклассники моей сестры сразу после выпуска поехали в Палестину строить государство Израиль. Рива тоже очень хотела уехать, но наш папа не разрешил ей. Он считал, что она сначала должна закончить консерваторию, а уж потом решать, хочет ли она ехать в Палестину.

Наша семья всегда жертвовала деньги во все еврейские фонды, предназначенные для помощи поселенцам в Палестине. В знак признания на нашей входной двери было прикреплено золотое сердце.

Я родилась в 1929 г. Меня назвали Рахелью в честь моей бабушки Рохели-Леи, которой тогда уже не было в живых. Мои родители пытались исправить свои прошлые ошибки – для меня наняли гувернантку, когда мне было два года. Ее звали Каролина Кинс. Она была из онемеченной эстонской семьи. Она разговаривала со мной по-немецки, и мои родители тоже старались делать это. В те дни многие эстонские и еврейские семьи посылали своих детей учиться в Германию, и мои родители хотели, чтобы я свободно говорила по-немецки. Друг с другом и с моей сестрой они разговаривали на идиш, со служанкой – по-эстонски. По-русски в нашей семье не разговаривали.

Когда мне было 4 года, меня записали в еврейский детский сад. С первого дня пребывания в нем я слышала иврит. Там пели песни на иврите. Когда мне исполнилось 6 лет, я пошла в еврейскую школу, я могла говорить и понимать иврит довольно хорошо. В школе было два первых класса. В одном обучение велось на идиш, в другом – на иврите. Выбор был за родителями. Я училась на иврите. У нас был очень дружный класс. В нем было три пары близнецов: две пары девочек и одна – мальчиков. Эти мальчики остались в Таллинне во время войны и погибли, как и многие другие мои одноклассники.

В школе я любила уроки музыки. Наш учитель музыки, Гуревич, часто хвалил меня за мою музыкальность. Однако когда мои родители предложили записать меня на специальные уроки музыки, я отказалась. Тогда папа сказал мне: «Если ты не хочешь учиться музыке – выбери что-нибудь другое». Я решила изучать английский язык. Несколько лет моей учительницей английского языка была замечательная женщина. Она не задавала уроков, и мы не читали и не писали. Мы только разговаривали – на кухне, когда она готовила, гуляя и навещая ее друзей. Ее друзьями были русская княгиня, Софья Волконская, и жена английского посла, леди Кингфорд. Они гуляли с нами в парке и вовлекали меня в светский разговор по-английски. В результате я научилась говорить довольно хорошо.

Когда я была маленькая, я часто плохо себя чувствовала, у меня были слабые легкие, и врачи опасались, что дело кончится туберкулезом. Поэтому родители почти каждое лето снимали дачу на острове Хийу, недалеко от Таллинна. Дома располагались в сосновом лесу – лесной воздух должен был восстановить мои слабые легкие. Я там была с моей гувернанткой. Иногда Рива тоже оставалась с нами, но наши родители приезжали только по субботам, остальное время они работали. Моя гувернантка, Каролина, знала все правила кашрута, потому что дома она всегда помогала маме в домашних делах. Родители покупали или посылали нам кошерные продукты, и Каролина готовила. В тот год, когда Рива поступила в консерваторию, мы провели лето в Хаапсалу, на берегу моря. Чтобы не прерывать занятий музыкой, была снята дача с роялем, и Ривина учительница музыки провела лето с нами.

В 1937 г. моя мама серьезно заболела. Она стала очень нервной, и у нее были обнаружены какие-то психические отклонения. Особенно неадекватно она реагировала на новости о распространении фашизма и росте антисемитизма в Германии. Врачи обнаружили у нее шизофрению, поместили в больницу в Тарту и предложили экспериментальный курс лечения. Мой папа дал письменное согласие. Мама провела в больнице 11 месяцев, и ее вылечили. Позже ее обследовали, пытаясь найти причину ее заболевания, и нашли какие-то изменения в ее щитовидной железе. В июле 1938 г. мама пошла на операцию. Наша семья была не бедной, и папа настаивал, чтобы маму оперировали в Швейцарии, где были более опытные врачи. Мама отказалась, т.к. она не хотела быть далеко от дома и семьи. И хотя операцию делали лучшие таллиннские хирурги, она оказалась неудачной. Мама умерла прямо на операционном столе.

Трудно представить, как мы пережили ее смерть. Мама была такой доброй и чувствительной. Я помню, как наши родители приехали навестить нас на даче в последнюю субботу перед операцией. Мы пошли гулять в лес. Папа очень нервничал, а мама пыталась выглядеть веселой. Она держала нас за руки и

говорила, что все будет хорошо, потому что у нее лучший в мире муж и самые замечательные дети. Мои родители очень любили друг друга.

После маминой смерти наша жизнь изменилась. Папа не мог жить в старой квартире, где все напоминало ему о нашей маме. Мы переехали в другое место. Мы сняли квартиру в большом доме, принадлежащем еврейской семье Яскович. Сестра бросила консерваторию, хотя она окончила полный курс, и ей только надо было подготовиться к выпускному концерту. Она заменила маму в магазине и стала его директором. Удивительно, но папа не протестовал. С маминой смертью мое детство закончилось. Я стала думать и рассуждать по-взрослому. Я зажигала субботние свечи. Хозяйство вели Каролина и служанка.

В 1940 г. в Эстонии была установлена советская власть, и началась национализация. По чьему-то совету папа, чтобы продемонстрировать свою лояльность советским властям, отдал оба наших магазина «спецторгу», торговой сети, принадлежащей НКВД (12). Он продолжал там работать, только он больше не был хозяином. Наша еврейская школа была переименована в среднюю школу с номером (13), который я не помню. В СССР иврит был запрещен, поэтому, соответственно, он был запрещен и в Эстонии, но мы все еще могли использовать идиш. Дом, в который мы переехали жить, был отнят у хозяев советскими властями, и всем жильцам было приказано выехать в течение суток. Друг моего папы, казначей Раковский, пришел нам на помощь. Он дал нам 3 комнаты в своей семи комнатной квартире. Мы еле поместились в них, т.к. у нас было очень много мебели. Мы были благодарны казначею Раковскому за приют. Через несколько месяцев мы сумели переехать в пяти-комнатную квартиру недалеко от центра города. Бывший хозяин квартиры, морской капитан, эстонец, сумел каким-то образом перевезти свою семью в Швецию после установления советского режима. Одну из комнат мы отдали советскому летчику, т.к. нехорошо было иметь такую большую квартиру.

Моя сестра вышла замуж в декабре 1940 г. Ее муж, Яков Козловский, тоже окончил еврейскую школу, только на 4 года раньше Ривы. Их свадьба была довольно скромной, присутствовали только близкие друзья и родственники. К тому времени в Таллинне уже начались аресты и национализация, поэтому время на самом деле было не очень радостным. Муж тети Расе, Мейше Фурманский, умер как раз накануне свадьбы Ривы, похороны проходили в день свадьбы, и многие родственники принимали в них участие. Свадебная церемония проходила в синагоге, вел ее главный раввин Эстонии Аба Гомер.

Яков Козловский и некоторые его компаньоны имели маленькую мастерскую по изготовлению галстуков. Они ткали материю и шили галстуки сами. У них не было наемных работников, поэтому они не считались эксплуататорами и не преследовались советскими властями.

Ночью 14 июня 1941 г. к нам пришли несколько сотрудников НКВД и показали постановление о нашей депортации. Папа, сестра и я – все были в списке. Мы стали собираться. Нашего жильца, летчика, не было дома, но его жена, которая как раз накануне приехала из Ленинграда, была. Она услышала шум и поняла, что происходит. Она высунулась из своей двери, поманила Якова Козловского и прошептала свой совет. Она сказала, что Риву не должны депортировать, потому что она замужем, считается членом другой семьи и у нее другая фамилия. «Не бойся, вступишь за свою жену!» - сказала она Якову. Яков робко подошел к сотруднику НКВД и, заикаясь, сказал ему все, что он услышал в качестве совета. Сотрудник позвонил в несколько мест, и мою сестру отпустили.

Папу и меня отвезли на вокзал. Когда мы с вещами стояли у вагона, к нам подошел человек в военной форме. Он спросил папу про меня – с кем я и где моя мама. После того, как папа ответил, что мамы нет в живых, человек ушел. Немного погодя он вернулся и спросил, остались ли у меня родственники в Таллинне. Когда он услышал, что осталась моя сестра, он распорядился послать меня домой. Я считаю, что этот человек спас меня, т.к. папу отправили в лагерь, а меня бы поместили в детский дом, где я могла бы умереть. Когда меня привезли домой, мы с сестрой в ужасе поняли, что наш папа остался без вещей и еды. Все наши вещи и продукты были в одной корзине, которую папа вручил мне. Сестра немедленно позвонила тете Басе, которая жила близко от вокзала. Сын тети Баси, Мордехай, побежал на вокзал, чтобы отдать нашему папе пакет с продуктами. Поезд был еще там, но Мордехаю не разрешили подойти. На папе было летнее пальто, легкие туфли и ни крошки хлеба с собой. С тех пор я не переносу, чтобы в моем доме не было хлеба.

На следующее утро позвонила тетя Асне из Риги и задала Риве один вопрос: «Папа здоров?» Рива ответила: «Он болен». Тетя Асне все поняла, потому что и в Латвии тоже шла депортация. Мы подумали, что арест нашего отца повлиял на решение его сестер не ехать в глубь СССР. Через неделю началась война. Мы с сестрой сразу решили эвакуироваться, т.к. наш папа был где-то в России, и мы надеялись найти его. Мы запаковали вещи и отослали наш багаж в Куйбышев (ныне Самара, Россия), потому что все вокруг говорили, что немцы не дойдут дальше Волги. Как и всем мужчинам призывного возраста, Якову Козловскому не разрешили эвакуироваться. Их всех призвали в трудовую армию (15). Позже Якову удалось покинуть Эстонию. Они с братом сопровождали отправляемый из Эстонии транспорт Красного Креста с медицинским оборудованием.

Мы с сестрой выехали на восток в спальном вагоне 5 июля 1941 г. Когда мы пересекли реку Нарва – в прошлом границу между Эстонией и СССР – выяснилось, что на нашем разрешении не хватает какой-то печати. Нам приказали покинуть поезд и отослали обратно в Эстонию. Мы шли, нагруженные нашими вещами, по мосту, который бомбили немецкие самолеты. Было очень страшно. Мы получили нужную печать, и нам разрешили продолжать нашу поездку. Когда мы добрались до Ленинграда, мы остановились на несколько дней у тети Софии. Мы в нашей

одежде отличались от местных людей, которые были одеты проще и беднее, и тетя Софья беспокоилась, что Риву примут за немецкую шпионку и арестуют.

Потом мы долго ехали в товарном поезде, у нас было несколько пересадок, и во время одной из них у нас украли два чемодана. Это сделал один польский еврей. Он ехал в одном вагоне с нами, разговаривал на идиш и все спрашивал у меня, что в наших чемоданах. Я все ему рассказала. Он предложил нам помочь и исчез с нашими вещами. В конце концов, мы приехали в какой-то город на берегу Волги, в котором было много церквей. Мы погрузились на баржу и поплыли вниз по реке. Во время посадки кто-то позвал нас с соседней баржи. Это был наш дядя, Самуил Хейман, и его семья. Он хотел, чтобы мы ехали вместе с ними. Рива отказалась, потому что они с мужем договорились встретиться в Ульяновске или Куйбышеве. Позже мы очень жалели, что отказались ехать вместе с дядей Самуилом, потому что его «хейманские руки» смогли бы заработать не только для его собственной семьи, но и для нас. Мой папа знал еврейскую пословицу, гласившую, что когда у человека есть в руках дело – он король.

Наконец мы с Ривой добрались до Ульяновска, где встретились с семьей Козловских. Там были родители Якова и две его сестры. Через некоторое время приехал и Яков. С большим трудом мы разыскали и получили наш багаж. Мы пробыли в Ульяновске около года, потом, когда линия фронта стала приближаться к Волге, мы уехали в Казахстан. Была зима, и я заболела во время дороги. У меня было воспаление легких и очень высокая температура. На какой-то станции, где у нас должна была быть пересадка, нам не разрешили войти в здание станции – люди думали, что у меня тиф. Я лежала на наших чемоданах на платформе. Потом моя сестра с мужем отнесли меня в пункт скорой помощи. Врач посмотрел на меня и сказал, что вряд ли я доживу до следующего дня. Сестра стала плакать, а ее муж сказал врачу: «Мы хорошо заплатим, если Вы спасете девочку». Услышав это, врач нашел сульфидин; мы заплатили за 10 таблеток 10 тысяч рублей. Это была большая сумма. Чтобы заплатить за это лекарство, сестра пошла на станцию и продала свое и мамино золотые кольца. Эти десять таблеток спасли мне жизнь.

В Казахстане мы устроились в маленьком поселке под названием Талгар, недалеко от Алма-Аты. Сейчас это город. Там я пошла в школу. До начала войны я закончила в Таллинне шестой класс, но я очень плохо говорила по-русски, поэтому мне пришлось повторить шестой класс.

Муж Ривы, Яков, был в трудовой армии. Он работал на вольфрамовой шахте в горах Тянь Шаня. Он был прорабом и иногда ездил в Алма-Ату по делам. Вскоре после нашего приезда Рива родила мальчика, который умер через несколько дней. В конце 1943 г. родился еще один мальчик, и его назвали Хесси в память нашей мамы. Мы жили впроголодь; нас спасали вещи, которые мы привезли с собой. Мы продавали их или меняли на продукты. Скоро у нас нечего стало продавать. Из-за плохого питания моя сестра была очень слабой и долго болела после родов. Я редко ходила в школу, т.к. мне надо было ухаживать за сестрой и ее ребенком. Потом меня устроили на работу в часовую мастерскую. Отец Якова Козловского был мастером; моя работа была – принимать и распределять заказы. Я также была кассиром и даже вставляла стекла в часы.

Отцу Якова Козловского во время эвакуации не повезло. В начале войны на Украине человек с таким же именем и фамилией исчез после ограбления ювелирного магазина. И в Ульяновске, и в Талгаре квартиры, в которых жили семья Козловских и мы, подвергались обыскам. Все переворачивалось вверх дном. Старика Козловского арестовывали и допрашивали, и только после того, как становилось ясно, что это не тот Козловский – его освобождали. Через несколько месяцев все повторялось. Яков Козловский очень сильно заболел в трудовой армии. У него был тиф с серьезными осложнениями, и он был активирован. Это случилось в конце войны.

Все это время мы с сестрой пытались узнать что-нибудь о нашем отце, но все было впустую. Только в 1945 г. мой бывший одноклассник, Брашинский, прислал мне письмо, в котором рассказал, что его отец был на северном Урале в одном лагере с моим отцом. Мы написали туда, и ответ гласил, что Хирш-Лейб Цивиан был отослан из лагеря на поселение в Омскую область (Западная Сибирь, 2.200 км, восточнее Москвы). Скоро мы получили его первое письмо.

Летом 1945 г. мы вернулись в Таллинн после эвакуации. Я приехала босиком, т.к. мои единственные туфли развалились в пути. Вместо платья на мне была надета подпоясанная ночная рубашка. Другой одежды у меня не было. В Таллинне нам негде было жить, поэтому сестра с ребенком жили с семьей ее мужа, а меня устроили у моей тети, Хаи-Фанни Смоленской. Позже я жила с моим дядей, Самуилом Хейманом. Несмотря на то, что я закончила только семилетку, я нашла работу секретаря директора большой фабрики. Я поступила в восьмой класс вечерней школы и училась после работы.

К этому времени родственники Якова Козловского решили выдать меня замуж. Мой жених был евреем и старым холостяком; ему было 38, мне – 17. Я ему очень

нравилась; что касается меня – я устала переходить из квартиры в квартиру моих родственников. Я хотела иметь свое жилье, а у моего жениха была комната. В то время в Таллинне не было ни синагоги, ни раввина, но мы соблюдали некоторые еврейские свадебные традиции. Свадьба состоялась в квартире дяди Самуила. Там соорудили хупу; старый друг моего отца, очень религиозный еврей, сказал слова благословения, потом был разбит бокал. Так в ноябре 1946 г. меня выдали замуж.

У моего мужа, Якова Гершановича, была маленькая мастерская. Он должен был поставлять заготовки для обувной фабрики. Но это был только фасад. На самом деле Яков занимался спекуляцией: он покупал и перепродавал дефицитные товары. В СССР это считалось серьезным преступлением. Яков даже пытался вовлечь меня в свои дела. Он посылал меня в банк покупать государственные облигации, т.к. он считал их надежнее

советских денег. Я несколько раз ходила в банк, но потом поняла, что это может привести к неприятностям, и отказалась. Это было нашей первой размолвкой.

Летом Якову удалось достать две путевки в санаторий в курортном городе Пярну. Там все было замечательно, но мой муж продолжал куда-то исчезать. Он оказался азартным карточным игроком; он проиграл целое состояние. Мы жили вместе около двух лет. К счастью, у нас не было детей. В 1948 г. Якова Гершановича арестовали прямо в нашей комнате и приговорили за спекуляцию к 8 годам тюрьмы. Этот брак не принес мне счастья, но я все же три года ждала возвращения мужа.

В 1951 г. у своих друзей я встретила молодого человека из Риги. Мы понравились друг другу, встречались и переписывались, но, в конце концов, разошлись. Однако я решила никогда не возвращаться к первому мужу и весной 1952 г. подала на развод.

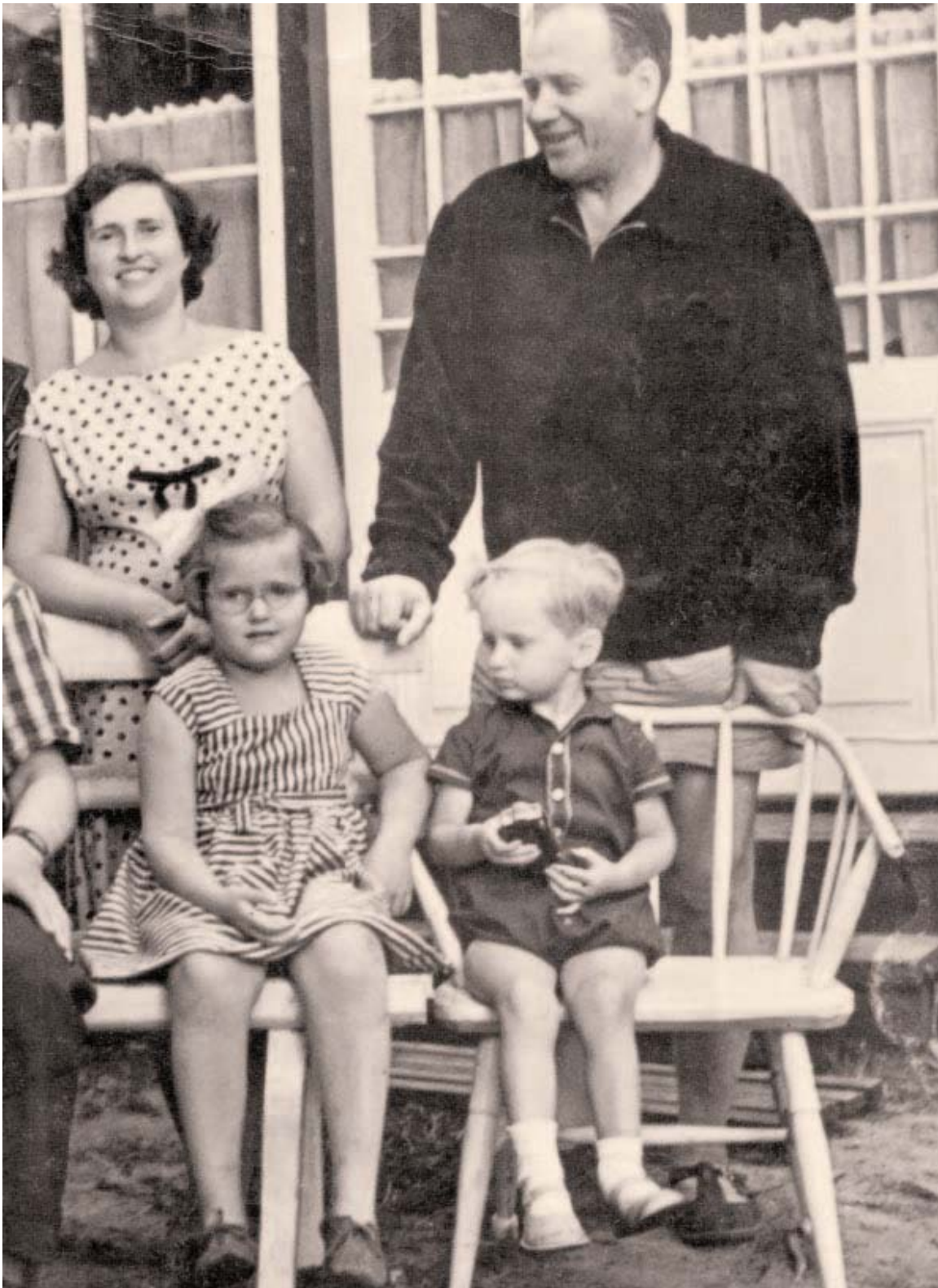
Мой папа вернулся из ссылки в 1946 г., за несколько недель до моей свадьбы. Он был на свадьбе. Он не рассказывал о лагере. Он сказал, что это было ужасно, и что человеческая жизнь там ничего не стоила. Мой папа был уверен, что он сумел выжить только благодаря его вере в Б-га и молитвам, адресованным ему. В лагере папа и другие верующие евреи высчитывали даты еврейских праздников и отмечали их, как могли. На Пейсах папа не ел хлеба, хотя ничего другого не было.

После возвращения наш папа руководил швейной мастерской. Ему негде было жить, т.к. он не хотел стеснять меня или мою сестру, но он не мог позволить себе снять жилье. Несколько лет, пока ему не дали комнату, он жил в своей мастерской, ночуя на столе, где он кроил. Каждый день после работы он ходил разбирать развалины города. Его даже наградили почетным знаком за активную работу по восстановлению города. Позже он работал директором большого универсама.

Летом 1952 г. я поехала в дом отдыха в курортное место Вызу, недалеко от Таллинна. В то же время там были сотрудники Таллиннского политехнического института. Один из них, атлетического сложения эстонец лет сорока, стал оказывать мне знаки внимания. Его звали Тармо Рандвее. Он пригласил меня в кино, танцевал только со мной, и мы вместе ходили на пляж. Он был постоянно рядом, и мне это не нравилось. Я только что почувствовала себя свободной после развода, а теперь мне снова надоедали. Кроме того, он был намного старше меня и не еврей. Однако, один из коллег Тармо Рандвее, который тоже был в Вызу в то время, оказался моим бывшим одноклассником. Он посоветовал мне ближе присмотреться к Тармо, т.к. считал его интересным и честным человеком. Я последовала его совету и поняла, что мой одноклассник был прав.

Мы с Тармо встречались в Таллинне в течение двух с половиной лет. После этого мой папа смирился с мыслью, что его дочь выйдет замуж за эстонца. Мы поженились в 1955 г. Я не знала родителей Тармо – они умерли раньше. Его отец был строительным рабочим, а мать – домохозяйкой. Они жили в Таллинне, их семья была бедной, и они не могли дать образование сыну. Поэтому он работал на стройке и одновременно учился. До войны Тармо Рандвее окончил Таллиннский технический колледж, и у него был диплом инженера-строителя. Он женился в

1939 г.; в 1941 г. его призвали в советскую трудовую армию и отослали в Россию. Позже Тармо воевал против фашистов в Эстонском стрелковом батальоне.

Его первая жена, Хильда, была медсестрой. Во время войны она взяла из концлагеря пятилетнюю финскую девочку и удочерила ее. Родители девочки были застрелены фашистами на ее глазах. В 1949 г. Тильда умерла во время родов,

